

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

АННА
ЖНЕЦ

*С*насти
ЭЛЬФА

Анна Жнец Спасти эльфа

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68373217

SelfPub; 2023

Аннотация

Чтобы спасти от надругательства эльфийского воина, попавшего в плен, я вынуждена объявить его своим трофеем и привести к себе в шатер. Красавчик ненавидит меня и ждет, когда его возьмут против воли, напоив особым возбуждающим зельем. Он не верит в мои благие намерения. И неудивительно. Ведь я – знаменитая злодейка из Сумеречных земель. И неважно, что прилетевший в голову магический шар лишил меня памяти, превратив в совершенно другую личность.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	15
Глава 3	30
Глава 4	38
Глава 5	47
Глава 6	60
Глава 7	64
Глава 8	71
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Анна Жнец

Спасти эльфа

Глава 1

– Мы захватили в плен группу эльфийских разведчиков. Это диверсанты из «Несогласных», у каждого на плече та-туировка горного клана «Воль’а’мир». Не знаю, зачем они следили за нами. Вряд ли собирались напасть. Скорее всего, что-то вынюхивали.

Мерида, моя лучшая подруга и глава имперского Совета, вошла в шатер. Тканевый полог распахнулся, впуслав внутрь свежий воздух и запахи разбитого в лесу лагеря: вино, мясо, жареное на костре, пот и кровь, а еще тонкий, едва уловимый цветочный аромат. Незнакомый. Чужеродный. Появившийся совсем недавно. Наверное, никто, кроме меня, его и не чувствовал – все-таки обоняние дракона острее человеческого.

Я поднялась с кровати, на которой третий час подряд безуспешно призывала сон. Мои ноздри затрепетали. Действительно, не ошиблась: в смесь привычных лагерных запахов странно и неуместно вплетался цветочный дух. Откуда он взялся? Даже наши девы-воительницы не благоухали ландышами.

Ответ не заставил себя ждать.

– Учужала пленников? – усмехнулась Мерида. – Они снаружи. Связанные и безоружные, стоят на коленях перед твоим шатром. Хочешь посмотреть?

– Зачем это мне? – Я отвернулась, окинув взглядом разобранную постель. Желания вернуться под одеяло не возникло – что толку мучиться до утра бессонницей, ворочаясь с бока на бок и считая воображаемых овец? Но выходить наружу, играть роль железной королевы не хотелось еще больше.

Восемь дней прошло после того удара по голове, а память ко мне не вернулась до сих пор.

«Нельзя показывать свою слабость. Ни врагам, ни союзникам», – сказала Мерида, и по ее настойчивому совету я носила маску, притворяясь той, кем себя не чувствовала: жестокой правительницей Сумеречных земель. Похоже, вместе с памятью я потеряла и свою прежнюю личность, благо не разучилась колдовать и обращаться в дракона. Вот где была бы настоящая катастрофа.

– Соберись, Иданн, – строго сказала Мерида. – Ты не можешь вечно прятаться в своем шатре. Пойдут слухи. Ты и так в последнее время вела себя подозрительно. Выйди к своим людям, покажись, посмотри на пленников. По традиции эйхарри первой выбирает себе постельную грелку.

– Что? – я повернулась к подруге, решив, что неверно ее поняла. – Постельная грелка?

– Пленники – наша собственность. Мы можем делать с ними все, что захотим. Прежняя эйхарри всегда выбирала себе трофей. На одну ночь или на все время похода. Воины ждут твоего решения. Ты не можешь нарушить этот обычай. Тебя не поймут.

Я устало потерла лоб.

– Я должна взять кого-то из этих мужчин к себе в шатер? Чтобы он грел мне постель?

– Эйхарри была известной сластолюбкой, меняла любовников, как перчатки.

С губ моих сорвался тяжелый вздох. Женщина, о которой говорила Мерида, я прошлая, вызывала у меня стойкое чувство неприязни.

– Боюсь, с некоторых пор мое либидо в глубокой спячке.

– Appetit приходит во время еды. Тебе просто надо развеяться. Ничто не отвлекает от проблем так, как красивый мужик в постели. Тем более добыча у нас в этот раз отменная. У самой слюнки текут при виде этих остроухих жеребцов. Волосы белее жемчуга. Косы длиннее, чем у любой бабы в нашем лагере. Мускулы настоящих воинов, закаленных в боях, а кожа нежная и тонкая, как у барышень аристократок. Мощь и изящество – сочетание, от которого теряешь голову.

– Память уже потеряла. Терять еще и голову нет желания.

– Не упрямясь. Когда еще удастся порезвиться с эльфом? Они же от наших женщин воротят носы, считают нас недо-

стойными своего общества. Даже сейчас, скованные и на коленях, смотрят с высокомерием и брезгливо кривят губы. Ничего, ночь долгая, к утру спеси в них поубавится.

Не знаю почему, но после слов подруги захотелось помыться – они, эти слова, будто грязным, липким налетом осели на коже.

– Не понимаю, зачем мне мужчина, которому я неприятна. Какой от него прок в постели?

На губах Мериды растеклась похабная ухмылка.

– Переживаешь, что у него не... – она согнула палец, жестом показав, что имеет в виду. – Не стóбит. Эту проблему давно решили. Есть специальное зелье, которое не позволяет мужчинам быть бесполезными. Хочет пленник или не хочет, а удовольствие тебе доставит.

Я с трудом подавила желание заткнуть уши. С каким наслаждением я бы выставила сейчас Мериду из шатра! От ее слов вверх по пищеводу поднималась едкая желчь. Вот только советница была единственным человеком, знающим мою тайну. Я зависела от нее. Нуждалась в ее помощи и поддержке. Сложно притворяться прежней эйхарри Сумеречных земель, когда твоя память – пустой белый лист.

– Ты предлагаешь мне выбрать понравившегося пленника и изнасиловать его? – Меня передернуло.

– Воспользоваться своим правом.

– Изнасиловать. – В висках болезненно застучало. Тошнота усилилась.

Мерида закатила глаза.

– Просто выползи наконец из своей норы, пока твои воины не решили, что ты тут превратилась в мумию. Ничего сложного от тебя не требуется. Уведи любого из пленников в шатер, а там уже поступай с ним, как считаешь нужным. Хочешь – трахай, хочешь – в одеяло заверни и сказку на ночь прочитай. Твое дело.

Договорив, она откинула тканевый полог шатра, и цветочный аромат, принесенный ветром, снова защекотал ноздри.

– Идешь? – обернулась подруга уже за порогом.

С тяжелым сердцем я последовала за ней наружу.

* * *

Их было пятеро. Пятеро обнаженных до пояса, стоящих на коленях мужчин. Несчастных выстроили в ряд в трех метрах от входа в мою палатку. С них сняли доспехи, сорвали нижние рубахи, руки завели за спину и заковали в кандалы. Толстая цепь тянулась от массивных железных браслетов к широкому ошейнику на горле.

– Слава эйхарри! – раздалось со всех сторон, стоило покинуть спасительную тень шатра и выйти на свет лагерных костров.

– Слава эйхарри, – шепнула рядом Мерида, моя советница.

В ту же секунду меня оглушил бой ритуальных барабанов, которыми воины приветствовали свою госпожу, решившую покончить с затворничеством.

Под этот бой я шагнула вперед, к полуголым, закованным в цепи пленникам. Их волосы, пыльные и растрепанные, закрывали лица. Мышцы живота и рук были напряжены, колени врезались в землю, широко раздвинутые: эта поза помогала мужчинам удерживать равновесие.

Из этих поверженных воинов мне предлагали выбрать игрушку для постельных забав. Эльфов раздели, но никто не стер с их совершенных тел разводы грязи, никто не позаботился о том, чтобы привести добычу в надлежащий вид. То, что я видела перед собой, будило во мне жалость, а не вождение.

Некоторые из мужчин были ранены. Плотные кожаные штаны – единственное, что им позволили оставить на себе из одежды, – пропитались кровью. Кровь сочилась из порезов, нанесенных мечом противника. У кого-то кожа почернела от магических ожогов и покрылась волдырями.

К счастью, жизни эльфов ничто не угрожало: ускоренная регенерация уже начала справляться с повреждениями.

– Ты должна выбрать одного. – За треском костров и стуком барабанов шепот Мериды был едва слышен.

Я не хотела выбирать. Шатер был моим убежищем, моим личным пространством, куда я не желала впускать посторонних. Там я пряталась от реальности, от необходимости играть навязанную роль.

Тошнота подступила к горлу при мысли о том, что придется остаться наедине с женщиной. И не просто с женщиной.

ной, а с незнакомцем, который меня ненавидит и, не задумываясь, вонзит мне нож в спину, лишь только представится подходящий случай. Впустить в свой островок безопасности чужака – благодарю, но нет.

Однако люди вокруг, воины эйхарри, смотрели на меня с жадным вниманием. Каждый из них ждал, что я буду делать, и острым мечом надо мной висел страх совершить ошибку – повести себя не так, как полагается могущественной правительнице Сумеречных земель.

Под прицелом этих пристальных взглядов я вдруг почувствовала себя самозванкой и отчетливо поняла: права Мерида – нельзя показывать свою слабость. Никто не должен догадаться о том, что великая Иданны Окайро размякла, лишившись памяти. Стоит врагам узнать, что в твоих доспехах возникла брешь, и тотчас найдется желающий нанести удар в уязвимое место.

Что это значит? А то, что мое поведение не должно вызывать подозрений. Если прежняя эйхарри не упускала случая позабавиться с законной добычей, то и я обязана притвориться хотя бы немного заинтересованной пленниками.

Давай, Иданны Окайро, надень маску, переступи через себя и сыграй свою роль как следует.

Поджав губы, я шагнула вперед и подцепила пальцем подбородок ближайшего ко мне эльфа – заставила его поднять голову. Волосы, тусклые от дорожной пыли, соскользнули с лица, и бритвой меня полоснул яростный взгляд. Где-то на

дне этих голубых глаз, за злостью и ненавистью, плескалось отчаяние, страх перед тем, что должно случиться. Мужчина у моих ног явно знал, какая участь ждет попавшего в плен красивого воина. В конце концов, постельным трофеем могла стать не только женщина.

Под пошлое улюлюканье толпы я провела большим пальцем по губам эльфа, и те под моим прикосновением сжались в тонкую линию.

Красив.

Грязный, окровавленный, в лохмотьях, он тем не менее был привлекательнее любого отмытого и раздетого придворного из Сумеречных земель. При взгляде на него во рту не скапливалась слюна, как у моей советницы, но между ног теплело и мышцы живота начинали едва заметно подрагивать.

С ужасом я вспомнила, что меня прошлую заводило чужое унижение. О, да. Я прошлая с удовольствием бы сорвала с этого несчастного последние тряпки. Лезвием ножа грубо, не церемонясь, раздвинула бы его стиснутые зубы, чтобы влить в горло возбуждающее зелье. И плевать, на какие кровавые лоскуты мне бы пришлось для этого распусть красивые губы пленника.

Я прошлая взяла бы его при всех. Вот здесь, на голой каменной земле, в центре круга, образованного жадными до зрелищ свидетелями. Я бы имела его под светом полной луны, под хохот и грязные комментарии своих воинов. Безжа-

лостно и с особой свирепостью. Не ради физического удовольствия – ради наслаждения, которое испытываешь, втаптывая другого человека в грязь.

Черета уродливых образов пронеслась в голове, заставив меня захлебнуться ужасом. Объятая им, я остолбенела. На один кошмарный миг глубоко внутри подсознания всколыхнулись отголоски моей прежней личности, темной, распутной, жаждущей крови и чужих страданий. Словно открылась дверь в преисподнюю, откуда дыхнуло нестерпимым жаром и запахом серы.

Я была омерзительна. До потери памяти я была чудовищем во плоти. Какое счастье, что магический шар эльфийской чародейки ударил мне в голову и изгнал это чудовище прочь. Но оно не умерло. Монстр еще жил во мне, и я испугалась, что он может вернуться, может вырваться из глубин подсознания и раздавить, захватить, уничтожить мою новую я.

Совсем недавно я так страстно желала все вспомнить, а теперь до дрожи в пальцах боялась этого. Как же не хотелось снова превращаться в злодейку!

– Чего ты ждешь? – раздраженный шепот Мериды разбил мое оцепенение.

Я поняла, что воины притихли и смотрят на меня с недоумением, ибо вот уже которую минуту я неподвижно стою, погруженная в свои мысли и, склонившись над пленником, прижимаю палец к сомкнутой линии его губ.

Надо было разрядить обстановку. Срочно. Показать, что я – та самая эйхарри, которую они помнят. Бездушная, бессердечная тварь.

С чувством глубокого отвращения к самой себе я отвесила эльфу пощечину – легкую, безболезненную, но унижительную. Мое действие было встречено горячим одобрением толпы. Вновь застучали ритуальные барабаны. В сторону пленников полетели пошлые выкрики.

– Раздень его!

– Трахни ушастого выродка!

– Пусть скулит.

Боги, как это выдержать?

Мужчина, которого я ударила, – «Прости меня, пожалуйста, прости!» – зло сощурил голубые глаза. Его корпус до этого наклоненный чуть вперед – так было легче удерживать равновесие со скованными за спиной руками – выпрямился. Эльф раздвинул широкие плечи, гордо приподнял подбородок.

Я испугалась, внезапно осознав, что пленник собирается сделать. Интуиция вложила в мою голову четкое понимание того, что вот-вот произойдет. Катастрофа. Сейчас случится катастрофа.

Тело среагировало раньше, чем мозг дал команду. Миг – и моя рука с силой стиснула челюсть эльфа, не позволив ему совершить задуманное: плюнуть в могущественную владычицу Сумеречных земель, известную своей крайней же-

стокостью. Если бы он плюнул мне в лицо на глазах у моих солдат, мне бы пришлось его убить прямо здесь, на месте. Не потому, что я этого хотела, не от великой обиды: репутация обязывала. Прежняя беспощадная эйхарри никому бы не простила такого унижения. Спусти я подобное с рук, пошли бы разговоры. Очень опасные, способные привести к бунту.

– Я знаю, что ты собирался сделать. И спасла тебе жизнь.

Эльф благодарен не был. Глаза над моей ладонью, зажимающей его рот, яростно сверкали.

– Пожалуйста, – прошептала я на грани слышимости, – будь благоразумен.

Убедившись, что мужчина успокоился и не намерен совершить очередную самоубийственную глупость, я отстранилась и подошла к его соседу. Надо было осмотреть всех пленников.

Глава 2

Эльфы – гордый народ. Стоять на коленях для них – огромное унижение, попасть в плен – бесчестье, оказаться без одежды перед толпой людей – невыносимый позор. То, что Мерида предлагала мне сотворить с одним из поверженных воинов, для эльфов и вовсе было хуже смерти.

Моя дырявая память каким-то чудом сохранила знания об этой спесивой расе. Ушастые были высокомерны настолько, что даже не разговаривали с чужеземцами без особой на то нужды. наших женщин они считали уродливыми толстыми карлицами, ибо все без исключения эльфийки обладали изящным станом. Высокие, худые до прозрачности. Казалось, внутри их телесных оболочек нет костей – лишь воздух.

Теперь эти гордецы, брезгливо кривившие губы при виде людей, вынуждены были валяться у ног одной из таких, по их мнению, уродливых карлиц. Терпеть прикосновения человечки. Позволять ей трогать свои обнаженные тела, а другим – алчно их разглядывать.

Мне было жаль униженных мужчин, но какой-то частью разума я понимала злорадство Мерида и прочих воинов. Неприятно, когда тебя считают представителем второго сорта. Однако опускаться до мести – нет.

Я обошла всех пленников, ненадолго задержавшись перед каждым. Чтобы не выпасть из образа порочной драконицы,

я заставляла себя делать отвратительные и недопустимые вещи. Скрепя сердце я сжимала в кулаке длинные белые волосы эльфов, вынуждая несчастных болезненно запрокидывать головы. Под одобрительные возгласы толпы я выкручивала беднягам соски, зная, что каждый из этих мужчин невинен, ведь культура эльфов не допускает связей до брака.

Впрочем, нет. Один из этих пятерых, судя по прическе, был женат. И как же больно оказалось осознать, что свою семью он, скорее всего, больше не увидит.

«Ты должна помочь им бежать, Иданны. Обязана искупить свои прошлые преступления».

Осмотрев всех эльфов, я вернулась к первому – наглецу, хотевшему в меня плюнуть в ответ на оскорбительную пощечину. Пленники были похожи, как братья: светлокожие, длинноволосые, остроухие. Поджарые, рельефные тела. Маленькие торчащие от холода соски. Полное отсутствие волос ниже шеи.

Я знала, что прежняя эйхарри обязательно сорвала бы с узников остатки одежды, чтобы утолить порочное любопытство. Но также я знала, что такой поступок унизит пленных воинов еще сильнее. Унизит так, что те пожелают проститься с жизнью. Бесчестье хуже смерти – девиз горного клана «Воль'а'мир».

Хотя они и без того были опозорены дальше некуда.

– Кого ты выберешь?

Я совсем забыла о Мериде и, когда ее голос раздался над

ухом, едва не вздрогнула от неожиданности.

Каждый из пленников поражал особой изысканной красотой, но первый мужчина, к которому я подошла, почему-то больше всех запал в душу. Мне нравились его высокие, выраженные скулы и тень, что они отбрасывали на щеки. Меня заводил его острый взгляд, а еще – плескавшаяся в этом взгляде непокорность. Его губы, сейчас упрямо поджатые, имели мягкий и соблазнительный изгиб, но в то же время были по-мужски твердыми.

Изящные светлые брови сошлись на переносице. Под сенью длинных ресниц сверкали злостью большие миндалевидные глаза. Белые волосы падали на обнаженную грудь. Гладкая выпуклая, она вздымалась в тяжелом дыхании – тяжелом от ярости, которая рвалась наружу.

Идеальный. Волнующий. Опасный.

Мышцы на предплечьях эльфа напоминали натянутые жгуты, так сильно он стискивал кулаки рук, скованных за спиной кандалами. Он был бос. Потрепанные штаны сползли так низко, что обнажили тазовые кости и краешек безволосого лобка. Под моим взглядом живот пленника напрягся, и под кожей проступили кубики пресса.

– Хорош, правда? – тоном искуительницы спросила Мерида.

Я смогла только кивнуть, потому что во рту пересохло, а в горле будто застрял колючий ком.

Хорош – не то слово. Совершенен.

Я больше не испытывала жалости к этому мужчине. Я хотела его взять. Растерзать. Выпить досуха. Во мне кричала моя прежняя, похороненная глубоко внутри личность.

– Не отказывай себе. Трахни его. Объезди этого эльфа, – продолжала соблазнять Мерида.

Наверное, мой взгляд стал слишком жадным, потому что злость на лице блондина сменилась паникой. Кадык под бледной кожей горла судорожно дернулся. Губы приоткрылись, словно... словно эльф хотел попросить меня не делать с ним тех грязных, стыдных вещей, которые обычно творили с людьми в плену.

Конечно, гордость не позволила ему опуститься до мольбы. Вместо этого он отчаянно задергал скованными за спиной руками, будто и правда верил, что может освободиться.

Я шагнула к нему. В голове звенело. Сердце тяжело бұхало под ребрами. Завороженная, я протянула пальцы к лицу пленника, и тот уставился на мою ладонь с ужасом. От страха его зрачки расширились, полностью затопив радужку.

Нет.

Нет, нет, нет!

Я не должна этого делать.

Резко втянув воздух, я отвернулась от остроухого искушения.

– Иданный? – позвала меня Мерида.

– Заткнись.

Что со мной только что было? На какое-то время я пол-

ностью потеряла над собой контроль. Уступила инстинктам. Позволила двери в преисподнюю снова приоткрыться.

Из горла рвался истерический смех: я едва не изнасиловала беспомощного пленника. Я была готова это сделать – переступить черту. В тот момент у меня помутился рассудок, а личность будто раздвоилась. Да, именно так я себя и чувствовала: как человек с раздвоением личности.

– Никто из них мне не по вкусу, – громко сказала я, чтобы объяснить воинам свое нежелание брать кого-то из эльфов в шатер. – Худосочные уродцы. Даже наши придворные дамы, никогда не державшие меч, выглядят более мужественно.

Мои слова вызвали взрыв омерзительного гогота. Как же некоторые любят, когда других унижают.

Тошно. Невыносимо тошно.

Я прикусила щеку изнутри, а потом продолжила, не глядя на пленников:

– Их длинные уши просто убожество. Любой из наших воинов гораздо привлекательнее этих задохликов.

Краем глаза я заметила, как немногочисленные мужчины из моего отряда надулись от гордости. Один из них, самый смелый, вышел вперед и закричал:

– Тогда возьми меня к себе, о великая эйхарри. Не пожалеешь. Я буду ублажать тебя всю ночь, и для этого мне не надо никакого колдовского пойла.

Он имел в виду возбуждающее зелье, которое использовали, чтобы сделать пленников сговорчивее.

Не ответив, я быстро шагнула в спасительную темноту шатра и зажала ладонью рот. Гадкие слова, которые я заставляла себя говорить на публику, кислотой разъедали язык и губы.

– Что ж, отлично, – раздался за спиной голос Мериды. Она последовала за мной в палатку. – Молодец, выкрутилась. Никто не заподозрил неладное. Речь в духе прежней эйхарри. Отдыхай, раз не хочешь веселиться. Другим больше достанется. Пойду займу очередь.

– Очередь? – Во мне зародилась нехорошая догадка. – Какая очередь?

Пошлая ухмылка изуродовала лицо советницы.

– Если не хочешь пользоваться эльфов, это не значит, что другие такие же праведники, как ты.

Что?

О чем она говорит?

– Да, – кивнула Мериды. – наших ушастых ждет веселая ночка, полная впечатлений.

Налетевший ветер распахнул полог шатра, принесся звон цепей и звуки завязавшейся борьбы. Смысл сказанного достиг наконец моего сознания, и по спине пробежала дрожь.

О, боги, нет!

– Нет. Нельзя. Я запрещаю.

О, Темнейшая, до утра от этих несчастных ничего не останется! Похотливые воительницы растерзают их на части, разорвут в клочья. Разгоряченные алкоголем и вседозволен-

ностью, они не будут церемониться. Растопчут не только знаменитую эльфийскую гордость, но их невинные тела.

Я не могла этого допустить. Я бросилась к трепещущему на ветру куску ткани, закрывавшему вход в палатку, но на пути неодолимой преградой выросла Мерида.

Она схватила меня за руку и резко развернула к себе:

– Неужели ты, Иданный Окайро, собралась лишить своих людей единственного развлечения? Подумай хорошо, на кого со временем выльется их гнев. Многие недовольны твоим правлением. Страшно представить, сколько готовы свергнуть тебя с твоего золотого трона и только и ждут подходящей возможности. Твоих врагов не пересчитать. Их больше, чем звезд в ночном небе. Никто тебя не любит. Все лишь бояться, и этот страх удерживает людей от бунта. Покажешь, что размякла, – жди ножа в спину.

Она отстранилась, прожигая меня тяжелым взглядом, готовая в любую секунду броситься наперерез, – не дать мне выйти из шатра, чтобы остановить творившееся снаружи безумие.

Поднявшийся ветер надувал тканевые стены палатки, хлопал пологом, приносил запахи и звуки. Я слышала грубый хохот, сальные шутки, пронзительный звон цепей.

– Пусти, я не могу позволить им надругаться над этими мужчинами.

Я попыталась обойти Мериду, но та удержала меня за плечи.

– У тебя был шанс спасти одного из них. Того строптивного блондинчика с острыми скулами. Могла взять его к себе в шатер. Здесь бы он был в безопасности. Если бы объявила красавчика своим трофеем, никто бы даже пальцем его не тронул. Но ты не захотела.

– Я не знала!

Это правда. Я и мысли не допускала, что пьяная ночь у костров перерастет в оргию, главным развлечением которой станут беспомощные, связанные пленники. Ужасно!

Пальцы советницы все еще сжимали мои плечи, когда снаружи раздался стон боли. Этот полный страданий крик заглушил даже звон цепей и вульгарный гогот солдат, и был встречен радостным улюлюканием.

Мои щеки вспыхнули. Взгляд в панике заметался по сторонам, а потом остановился на лице Мериды.

– Ты не сделаешь этого, – жестко заявила советница. Назвать ее подругой теперь не поворачивался язык. – Знаешь, что бывает с теми, кто пытается отобрать кость у своры голодных собак?

Она сильнее стиснула мои плечи, пытаясь задавить меня авторитетом, да только даже беспамятная я знала, кто тут, черт побери, хозяйка.

– Прочь, – процедила я сквозь зубы, и мои плечи покрылись острыми костяными пластинами.

Вскрикнув, Мериды отдернула от меня руки. Проступившая сквозь мою кожу драконья чешуя оцарапала ее ладони

до крови.

– Еще раз коснешься меня или попытаешь мне помешать —лишишься пальцев.

Это был тон прежней властной эйхарри, готовой карать неугодных не раздумывая. Я сама удивилась тому, как чужеродно и угрожающе прозвучал мой голос. Не голос – змеиное шипение.

С дрожащим вздохом советница отошла в сторону. Судя по шокированному взгляду, Мерида думала, что после удара по голове я стала совсем беспомощна и не способна дать ей отпор. Как бы не так. Пусть теперь я не тот монстр, каким была раньше, но командовать собой не позволю.

– Советую не забываться, Мерида, – пригрозила я обнаглевшей женщине. – Помни свое место.

С этими словами я поспешила на звуки пьяной возни снаружи шатра.

Скорее! Прекратить беспредел! Пока еще не поздно.

– Подожди, – сказала советница, когда я уже протянула руку, чтобы отдернуть полог.

Обернувшись, я увидела на ее лице искреннее раскаяние: она смотрела на меня, прижимая к груди окровавленную ладонь, и сосредоточенно хмурилась.

– Умоляю, прости, о великая эйхарри. Я хотела как лучше. И сейчас прошу, позволь мне помочь. – Теперь она говорила церемонно, без прежней фамильярности. – Будет правильнее, если я сама передам воительницам твою волю. Я знаю,

какие слова подобрать, чтобы остановить солдат и при этом не дать всеобщему недовольству выплеснуться наружу. Разрешить все уладить. Заниматься такой грязной работой ниже твоего достоинства.

Мерида тактично намекала, что в упрямом желании спасти пленников от позора я легко могла выпасть из образа похотливой злодейки, и в качестве извинений предлагала свою помощь дипломата. Принять эту помощь было настоящим искушением: с каким облегчением я свела бы все контакты с моими людьми, грубыми, примитивными варварами, до минимума.

– Ладно. Ступай. Сделай так, чтобы они оставили эльфов в покое.

В висках застучало, и резко навалилась слабость. Такое уже случалось со мной на днях и не раз – последствия удара по голове: на несколько минут я теряла координацию и чувствовала себя беспомощнее котенка. В глазах двоилось, в ушах нарастал нестерпимый гул, руки и ноги наливались свинцовой тяжестью.

Жестом отпустив Мериду, я рухнула на постель, и реальность начала от меня ускользать. Сколько часов я безуспешно призывала сон, и вот он обрушился стотонной каменной глыбой. Раз – и окружающий мир выключился.

Когда я пришла в себя, полог шатра был приоткрыт, внутрь сочился серый утренний свет. Судя по царящей тишине, лагерь еще не проснулся, и я решила покинуть свое

убежище, чтобы подышать свежим воздухом в одиночестве, пока мои люди не вылезли из своих палаток.

У входа дежурила охрана. Я позволила стражникам оставить свой пост и оглядела поляну. Повсюду валялись пустые бочонки из-под вина, щерились острыми гранями осколки глиняной посуды, у черного пепелища лежали вповалку обнаженные мужчины и женщины. Солдаты праздновали возвращение домой после плодотворных переговоров с владыкой речной долины. Портал в Сумеречные земли должен был открыться сегодня в полночь.

Эльфийские леса встретили нас враждебно из-за мелких партизанских отрядов. Устав от долгих кровопролитных боев правители трех местных кланов объявили о капитуляции, но не все согласились мириться с властью захватчика. Более воинственная часть сбилась в группы сопротивления, которые всячески пытались вставлять нам палки в колеса, пока безуспешно.

К счастью, последние дела в Троелевстве эльфов были улажены, все условия мирного соглашения оговорены и подписаны, мой отряд достиг границы реальности – места, где ткань пространства и времени истончалась настолько, что умелому магу ничего не стоило открыть портал в другой уголок вселенной. А сегодня, ближе к полуночи, условия для перехода должны были стать еще более благоприятными.

Я оглядела своих людей, напившихся до беспамятства и отключившихся в объятиях друг друга прямо на голой зем-

ле, выжженной кострами. Почувствовав близость дома, солдаты расслабились, и я не могла их винить: место было безопасное, боевые ведьмы возвели над лагерем дополнительную защиту – купольное заклятье, да и все давно нуждались в том, чтобы сбросить скопившееся напряжение.

Выспавшаяся и отдохнувшая, я была благосклонна к чужим мелким слабостям, но тут мой взгляд, рассеянно блуждавший от дерева к дереву, от палатки к палатке, внезапно наткнулся на обнаженную фигуру мужчины, посаженного на цепь.

Это был эльф. Один из вчерашних пленников. Его приковали к наколдованному столбу, врытому в землю.

Несчастный не замечал меня. Я стояла далеко, но драконье зрение позволяло разглядеть искаленное тело воина даже с расстояния в несколько сотен метров.

О боги!

Крепкие бедра мужчины потемнели от синяков, оставленных грубыми пальцами. На его груди появились свежие раны – царапины от длинных женских ногтей, на шее – багровые метки засосов со следами зубов. Волосы, некогда сияющие, жемчужно-белые, стали грязными и спутались в колтуны.

Леденя от ужаса, я присмотрелась внимательнее. Ссадины на скуле, запекшаяся под носом кровь, треснувшие уголки губ.

Меня затошнило и едва не вывернуло наизнанку, когда взгляд скользнул ниже, по мышцам напряженного живота

и...

Ярость поднялась изнутри, наполнила меня до краев: Мериды соврала! Нарушила мою волю, наплевала на приказ! Позволила жадной, голодной до секса толпе выплеснуть похоть на пятерых беззащитных пленников. От вина и ощущения вседозволенности воительницы озверели. Чудо, что эльфы смогли дожить до утра.

В шоке я не могла отвести взгляда от воспаленной промежности эльфа. Гордый воин больше не прикрывал пах, хотя вчера, по словам Мериды, отчаянно цеплялся за свои доспехи и рубаху, которые с него пытались сорвать. Обнажиться перед посторонними для эльфов – позор. Еще недавно несчастный остроухий солдат сражался за свою честь. Теперь сражаться было не за что. Его унизили самым мерзким способом из всех возможных. Растоптали.

С чувством гадливости я представила, как женщины из моего отряда – а почти все они были великаншами, с развитыми от тренировок плечами, грубыми руками-лопатами, с мужеподобными фигурами – по очереди седлают связанного, лежащего на земле воина. Как они опускаются на его наильно поднятый член и скачут на нем, уродливые гоблинши на прекрасном изящном эльфе.

От мысли меня замутило.

«Это я виновата. Моя вина. Вчера я могла спасти хотя бы одного из этих бедняг. Хотя бы одного! Например, этого избитого, обесчещенного мужчину, которого, как собаку, при-

ковали к столбу. Если бы я объявила эльфа своим трофеем и забрала к себе в шатер, как настаивала Мерида, его бы не изнасиловали. Но я... Я хотела одиночества, а потом, как последняя дура, доверилась той, кому доверять не следовало. Мерида. Тварь! Увижу – убью голыми руками».

Еще не решив, что собираюсь делать, я двинулась по краю поляны в сторону пленника. Того мучила сильная жажда: снова и снова он пытался добраться до глиняного черепка, в котором, видимо, осталось немного воды – возможно, ночью шел дождь.

Цепи натягивались, кандалы врезались в содранные до мяса запястья, ошейник – в горло, но пальцы несчастного лишь слегка задевали осколок разбитого кувшина. Будь цепь хотя бы на сантиметр длиннее, эльф смог бы напиться.

Неужели никто за ночь так и не дал пленникам ни еды, ни воды? Все долгие часы, пока я спала, их только насиловали и били?

Эльф захрипел. Очередная попытка дотянуться до вождь-ленного осколка с каплями жидкости на дне закончилась тем, что ошейник впился в горло слишком сильно. Придушенный эльф закашлялся, потом облизал потрескавшиеся губы – хотел их смочить, но те остались сухими: во рту не было ни капли слюны.

Бедняга собрался возобновить свои тщетные попытки напиться, но тут заметил меня. Его спина напряглась, рука дернулась, прикрыв промежность. Неужели он все еще был спо-

собен испытывать стыд? Даже после стольких часов насилия считал необходимым прятать от чужих взглядов свои интимные места?

Я остановилась напротив пленника.

Да это же тот самый эльф, на которого вчера так бурно отреагировали мои драконьи инстинкты! Эльф, едва не плюнувший мне в лицо в ответ на унижительную пощечину. И сейчас он явно решил, что я пришла воспользоваться его телом так, как это сделали другие.

Глава 3

Несколько секунд эльф смотрел на меня затравленно, не в силах сдержать ужаса. Наверное, вспоминал, какой кошмар ему пришлось пережить и всей душой противился его повторению. Голубая венка пульсировала на его виске. Кадык судорожно ходил под широкой полосой ошейника. Эльф плотнее прижал ладонь к паху в инстинктивном желании защитить от посягательств свои измученные органы.

Однако усилием воли ему удалось взять эмоции под контроль. Этот воин не забыл, что такое гордость. Уже в следующую минуту он выпрямил спину, развел плечи и взглянул на меня совершенно по-другому – без страха, высокомерно, словно это не он сейчас сидел на цепи, голый и избитый. Цепи, звякнув, легли на землю у его ног. Эльф вздернул подбородок и спокойно встретил мой взгляд. Каким-то образом ему, грязному пленнику в ошейнике и кандалах, удавалось смотреть на меня, свою хозяйку, сверху вниз и не терять достоинства.

– Не знал, что Чудовище из Сумрака предпочитает доедать за своими солдатами.

Чудовище из Сумрака? Так Иданн Окайро называли в эльфийских землях?

Выплюнув эту оскорбительную колкость, пленник даже нашел в себе силы усмехнуться. Его окровавленные губы с

треснувшими уголками искривились в презрительной гримасе.

«Вчера я могла взять его к себе в шатер. И этого ужаса с ним бы не случилось».

На грубость я промолчала, и эльф напрягся, не зная, чего ожидать. На некоторое время повисла тягостная тишина, затем нервы пленника сдали.

Он снова заговорил. Зло. Саркастично.

– Боюсь, ничем не смогу тебе помочь. По крайней мере, ближайшие несколько дней. Даже если ты вольешь в меня литр возбуждающего зелья. – С протяжным вздохом он убрал руку от паха, чтобы показать мне, во что превратилось его мужское достоинство. Этот жест явно дался ему с трудом. – Нравится?

Мне не нравилось. Глаза защипало от навернувшихся слез, но, разумеется, Иданный Окайро не могла позволить себе такой роскоши – заплакать.

Гордый эльф старался выглядеть невозмутимым, но от моего острого слуха не укрылось тихое болезненное шипение, когда его рука вернулась на место – снова накрыла пах. Похоже, любое, даже легчайшее прикосновение к натертой плоти причиняло ему страдания.

Если сегодня кто-то попытается овладеть пленником, то наверняка превратит его в калеку.

Этого нельзя допустить.

Если единственный способ спасти несчастного от даль-

нейших надругательств – объявить его своим трофеем, я так и сделаю.

– Вставай, – сказала я и подумала, насколько сложно будет пленнику выполнить эту просьбу – просто подняться на ноги. Мысль о том, чтобы подать ему руку, была сразу отброшена как абсурдная. Не примет эльф мою помощь. Ничью не примет. Скорее, посчитает такой жест дополнительным унижением.

– Зачем? Мне и здесь неплохо.

Пленник отчаянно пытался удержать на лице маску хладнокровия, но та расползлась по швам, шла трещинами, и сквозь щели начинали бить ключом страх и паника.

– Встань, – повторила я. – Никто тебя не тронет и пальцем.

Он не верил моим обещаниям, ожидал подвоха, и тем не менее подчинился.

Загремели цепи. Поднимаясь с земли, эльф до скрипа стиснул зубы, чтобы не дать крику боли вырваться наружу. Его тело превратилось в сплошной синяк, возможно, какие-то кости были сломаны, но он встал на ноги без единого стона, не морщась.

На короткий миг мне показалось, что эльф не справится, не сможет разогнуться, но спустя пять мучительно долгих минут ему все же удалось принять вертикальное положение, пусть для этого и пришлось унижительно цепляться за столб, к которому крепились оковы.

– Что теперь? – спросил эльф, слегка пошатываясь. Его

голос охрип и напоминал карканье ворона.

– Теперь я расстегну твои кандалы, а ты не попытаешься на меня напасть.

Судя по тому, как блеснули его глаза, именно это пленник и собирался сделать.

– Ты же помнишь, кто такая Иданн Окайро? – терпеливо продолжила я. – Чудовище из Сумрака. Сильнейшая колдунья, способная оборачиваться драконом. Пожалуйста, без глупостей. Сбежать все равно не получится, а я буду вынуждена тебя наказать.

Осторожно, стараясь не травмировать поврежденную кожу, я сняла с пленника наручники и массивный ошейник. За моими манипуляциями эльф следил с тщательно скрываемым изумлением, словно до последнего не верил, что его освободят от цепей.

– Видишь, тот шатер? – я показала в сторону самой большой палатки из темно-зеленой ткани. – Иди туда, я буду позади.

– Хочешь поймать меня с комфортом? На шкуре, а не на земле?

– Ступай.

Расправив плечи, эльф двинулся в обозначенном направлении. Он старался держать спину прямо, но его движения были скованными, походка – неуклюжей. Он шел, прикрывая ладонью срам, широко раздвигая бедра, наверное, оттого что в паху у него все было травмировано и горело от боли. А

может, и не только в паху. Возможно, его повреждения были куда серьезнее и унижительнее, чем я думала.

«Что бы с ним ни сделали, какую бы ненависть он ко мне ни испытывал, я должна его спасти. Хотя бы его. А где, кстати, остальные пленники? Почему я их не вижу?»

На поляне среди лежащих вповалку людей эльфов не было. Не заметила я их и под деревьями, к которым обычно привязывают захваченных воинов на ночь. Возможно, несчастных разобрали по палаткам, где и оставили до утра после того, как вдоволь ими попользовались.

Озаботиться судьбой других четырех невольников я решила позже, а пока распахнула полог шатра для пятого, самого наглого из плененных мужчин.

– Как тебя зовут?

Я наблюдала за тем, как эльф погружается в тень моего убежища и неуверенно осматривается.

– Зачем тебе мое имя, Чудовище из Сумрака? – Мужчина остановился в центре шатра. Неестественно прямой, стыдливо прикрывающий свою наготу, он то и дело косился в сторону разобранной кровати.

– При знакомстве принято представляться. – Я понимала, что несу чушь, но ничего лучше не смогла придумать.

Эльф усмехнулся разбитыми губами, а потом взгляд голубых глаз сверкнул сталью.

– Я не дамся тебе, монстр. Буду сопротивляться до последнего. Пусть ты сильнее и у меня нет ни шанса на побе-

ду, я лучше погибну как воин, сражаясь, чем продолжу жить как калека и подстилка. Клянусь, ты меня не возьмешь, – и договорив, он решительно вздернул подбородок.

– Садись, – кивнула я на раскладной деревянный стул. – Никто пока не посягает на твою честь.

Эльф вздрогнул, и я сообразила, что сморозила глупость – второй раз за последние пять минут: сегодняшняя ночь оставила от чести бедолаги одни лохмотья.

– Здесь ты в безопасности, – поспешила я исправить свою оплошность. – То, что принадлежит эйхарри, не трогают. А сама я не опускаюсь до насилия.

Плечи воина немного расслабились, но на лице по-прежнему читалось недоверие.

– Прошу, сядь. И скажи, как к тебе обращаться.

С видом, будто делает одолжение, эльф опустил на стул, на самый его краешек. Он сел осторожно, но его зубы все равно сжались от боли: я заметила, как напряглись, отчетливо проступив под кожей, желваки.

Свое имя пленник так и не назвал. Спустя минуту молчания стало окончательно ясно, что ждать ответа нет смысла.

– Надо бы раздобыть тебе одежду, – сказала я, и светлая бровь пленника дернулась в удивлении.

– Желаешь прикрыть все эти уродливые следы, которые оставили на мне твои люди? А я был уверен, что Чудовищу из Сумрака нравится вид крови.

Голос эльфа сочился ядом, а еще он скрипел, словно сухая

галька под ногами, и это напомнило мне о том, как несчастный тянулся к осколку глиняного кувшина, в котором сохранилось немного жидкости.

– Хочешь пить.

Я не спрашивала – утверждала. Глаза эльфа расширились. Подобравшись, он тяжело сглотнул и облизал губы, шершавые, как листы папируса.

– Что ты хочешь за кружку воды? – тихо спросил он, опустив взгляд, и добавил, прежде чем я успела вставить хотя бы слово: – Что ты хочешь, кроме моего тела?

Острые скулы порозовели. Гордость не позволила эльфу опуститься до унижительной просьбы. Он выбрал меньшее из зол – предложил сделку, видимо, не просто хотел пить – умирал от жажды.

Покачав головой, я вытащила из сундука флягу и протянула пленнику. Перед тем как взять ее в руки, он подозрительно прищурился:

– Что я буду должен за это?

Каким же бессердечным монстром он меня считал, если даже мысли не допускал, что его могут напоить бесплатно.

В ожидании ответа эльф нетерпеливо поглядывал на флягу. Его исцарапанная грудь, вся в разводах от грязи и крови, тяжело вздымалась. Один из маленьких сосков – левый – был прокушен. Только сейчас я заметила вокруг него отпечатки зубов.

– За это, – сказала я, и пленник посмотрел на меня с бо-

лью, обреченно, будто заранее ожидал, что в обмен на воду от него потребуют что-то недопустимое, что-то до крайности унижительное – словом, потребуют то, на что он не сможет согласиться, и ему придется и дальше мучиться жаждой. – За это ты позволишь мне исцелить твои повреждения.

Мой взгляд упал на руку, прикрывающую искалеченный пах. Я говорила о всех травмах эльфа, не только об интимных, но почему-то в первую очередь посмотрела не на его разбитые губы, не на царапины на плечах, не на синяки, усыпавшие бедра, а пленнику между ног. Эльф тоже это заметил и сделал выводы – вне всякого сомнения, ошибочные.

– Ясно, – усмехнулся он с горечью, а потом прижался губами к горлышку фляжки и начал жадно глотать. Он пил, пока на дне фляги не осталось ни капли воды, после поставил ее пустую на пол и вытер губы невыносимо изящным жестом. – Хочешь убрать с моего тела следы чужих зверств, чтобы заменить их следами зверств собственных? Или хочешь, чтобы я снова стал работоспособен? Чтобы снова можно было часами меня... – Не закончив, он отвернулся и свел брови на переносице.

Я не стала его разубеждать. Напомнила об уговоре и попросила убрать ладонь с паха, чтобы можно было заняться его травмами.

Глава 4

– Я больше никому не позволю взять мое тело против воли, – напомнил эльф и нехотя, явно переступив через себя, отвел в сторону руку, которой прикрывал промежность. Теперь ничто не защищало его обезображенные насилием органы от чужого взгляда.

Мои целительские навыки оставляли желать лучшего. Все, что я могла предложить в качестве помощи, – простенькие заклинания вкупе с обезболивающей мазью. Никакого чуда. Благоразумнее было позвать к больному настоящего лекаря – великаншу Мойлу, умевшую не только виртуозно крошить в капусту врагов, но и вытаскивать с того света наших союзников.

– Сиди здесь, – приказала я эльфу. – Даже не думай дергаться. – Запечатав чарами вход в палатку, я выскользнула наружу, чтобы вскоре вернуться к пленнику с одной из самых опытных целительниц Сумеречных земель.

Я хотела как лучше, но стоило Мойле, этой мускулистой, мужеподобной барышне под два метра ростом, войти в шатер, как эльф с вытаращенными глазами вскочил со стула, на котором сидел. Красивое лицо перекосилось от ужаса. Забыв о том, что надо прикрывать наготу, эльф отбежал в другой конец шатра и принялся лихорадочно обшаривать взглядом обстановку, видимо, в поисках оружия или того, что могло

бы этим оружием послужить. Он явно решил, что я привела подружку, чтобы надругаться над ним вдвоем, веселой компанией.

– Тихо, – устало сказала я. – Мы ничего тебе не сделаем.

Но пленник не слушал. С ненавистью и отвращением он смотрел в сторону Мойлы, и по тому, как сильно тряслось его тело, я догадалась: целительница была среди тех, кто пустил беднягу по кругу.

Вот же проклятие!

– Пожалуйста, успокойся, – я заговорила с эльфом, словно с пугливым диким животным – мягко и терпеливо. – Никто тебя не тронет. Ты под защитой эйхарри. Слышишь? Под моей защитой. Я позвала целительницу, чтобы залечить твои повреждения.

– Мне нужен красивый и здоровый любовник. – Чтобы не выпадать из образа злодейки, пришлось повернуться к Мойле и шепотом объяснить ей свои мотивы. Дать понять: никакого милосердия – лишь холодный расчет. – В таком состоянии, как сейчас, он не сможет меня удовлетворить. Да и чужие метки на его теле меня нервируют. Убери их. Хочу наставить свои.

Я старалась говорить тихо, но эльфийский слух оказался не хуже драконьего, и в другом конце шатра раздался яростный вздох. Оружия среди мебели пленник не нашел, зато обнаружил длинную палку, к которой крепился светильник с магическим пламенем, и использовал ее в качестве боево-

го посоха. С этим посохом он бросился на меня в безумной попытке убить или быть убитым. Глупый, самонадеянный эльф. Его атаку я отразила играючи. Раз – и сломанная палка валяется на полу, а мои пальцы сжимают горло пленника, перекрывая дыхание.

– Повеселился и хватит, – спокойно сказала я, чуть выпустив когти, чтобы охладить пыл этого воинственного придурка. – Побереги силы для постели.

За спиной прозвучал смешок Мойлы. Я наклонилась к эльфу, к самому его уху, и зашептала так, чтобы слышали лишь мы двое:

– Я не буду тебя трогать, угомонись. Не обращай внимания на то, что я говорю своим людям. Просто доверься мне. Позволь Мойле заняться твоими ранами.

– Я не дам ей ко мне прикоснуться, – прохрипел он, вцепившись в мое запястье. – Умру, но она ко мне не притронется.

– А мне? Мне ты разрешишь к себе прикоснуться? Обещаю, что не позволю себе ничего лишнего.

Эльф недоверчиво сдвинул брови, но после долгих, мучительных раздумий кивнул. С облегчением я разжала хватку на его горле.

Целительницу пришлось отпустить. Перед уходом она дала мне заживляющую мазь и рассказала, каким заклинанием воспользоваться, чтобы добиться наилучшего эффекта.

– Что ж, – посмотрела я на пленника, когда мы остались

вдвоем в интимном полумраке шатра. – Без помощи Мойлы лечение будет не таким быстрым, но боль и воспаление я сниму, да и, говорят, регенерация у вашего народа ускоренная. Удивительно, что все эти царапины до сих пор не затянулись. В чем причина такого медленного восстановления? Насилие – в нем дело? Душевное состояние эльфов влияет на физические процессы?

Пленник отвернулся, красноречиво показав, что не считает нужным разговаривать с врагом.

– Ладно, молчи. Садись на стул. Надо смазать твои раны.

И снова взгляд против воли опустилсЯ ему между ног. Заметив, куда направлено мое внимание, эльф вспыхнул и поспешил прикрытьсЯ.

– Я сам в состоянии это сделать. – Кончики острых ушей горели. Яркий румянец растекался по щекам.

– Нет, увы, не в состоянии. Сама по себе мазь малоэффективна. Наносить ее нужно, одновременно читая исцеляющее заклинание, а ты воин, не маг и не лекарь, верно?

Эльф поджал губы.

– Царапины, синяки, укусы – ерунда, а вот это, – я кивнула на его пах, старательно и бережно прикрытый двумя ладонями. – Не думаю, что стоит ждать, пока само заживет. Полагаю, эта штука тебе еще пригодится. Например, когда ты захочешь завести жену и детей.

Дернувшись, эльф метнул в меня взгляд, горящий такой адской злостью, что мне показалось, будто меня ударили.

– Жену? Детей? – прошипел пленник с откровенной ненавистью в голосе. – После всего, что твои люди со мной сделали? Какая уважающая себя эльфийка выйдет за меня, опозоренного, замуж? Какой женщине будет не противно лечь со мной в постель? Я не смогу вернуться к своему народу. Мой клан меня отвергнет и будет прав. Что я за мужчина, что за воин, если позволил сотворить с собой такое? – Он до треска сжал зубы, а потом процедил с болью: – Теперь мне одна дорога – в Кипящие болота.

Что?

Кипящие болота?

Я не помнила, что это за место. Возможно, я прежняя тоже ни разу о нем не слышала. В конце концов, эльфы – народ скрытный и не рассказывают о своих традициях направо и налево, тем более – чужакам. Но что, если существует закон, который обязывает воина искупить позор кровью? Получается, отпустив пленников, я не спасу их, а обреку на мучительную гибель: название у болот крайне говорящее.

Кипящая вода. Вода, способная за секунду обварить до смерти.

Я внимательно посмотрела на избитого, изнасилованного эльфа. Пережитый ужас не сломил его, не превратил в затравленную жертву, боящуюся собственной тени. Этой страшной ночью его растоптали, но он уже начал собирать себя по кусочкам, старательно сшивая обрывки гордости. Невзирая на жуткие слова о болотах, воля к жизни в нем бы-

ла очень сильной – я это видела, чувствовала и не могла не восхищаться.

Еще вчера я приняла твердое решение помочь пленникам бежать, а теперь оказалась в тупике. Что же делать? Как испугать свою вину, если давать им свободу опасно?

Позже. Я подумаю об этом позже, а пока надо стереть с тела эльфа следы насилия, вымыть его, накормить, а еще – найти Мериду и воздать сучке по заслугам.

– Возможно, мазь лучше нанести на чистую кожу, – я растирала между пальцами густую субстанцию, пахнущую травами.

Эльф поджал губы, наблюдая за мной из-под сведенных бровей. Он был как оголенный нерв, как магический шар, трещащий от переизбытка энергии: тронешь – взорвется.

– Пожалуй, стоит сперва принять ванну. Как ты на это смотришь?

Пленник огляделся по сторонам, похоже, недоумевая, какую такую ванну я имею в виду: помимо кровати, стула и ширмы для переодеваний, в моем шатре больше ничего не было.

– Ближайшая река, – выплюнул он, – за холмом. Есть желание прогуляться тридцать с лишним километров?

Какой знакомый ядовитый сарказм. Сколько неприкрытой злости и во взгляде, и в голосе. Что ж, это хороший знак: есть силы ненавидеть – найдутся и на то, чтобы пережить насилие.

– У меня идея получше.

Бытовые чары – одни из самых сложных, но я овладела ими в совершенстве: просто имела особую склонность к этому виду колдовства.

Превратить ширму для переодеваний в деревянную бадью и наполнить ее водой? Легко!

Распахнутыми от изумления глазами эльф наблюдал за тем, как дощатая перегородка с треском ломается и постепенно меняет форму. С водой для купания оказалось сложнее. Я не могла создать что-то из воздуха, поэтому пришлось пространственными порталами перенести воду из упомянутой реки в мой шатер, точнее – в новенькую, созданную из подручных средств ванну.

– Прошу, все готово.

Эльф медлил. Я по-своему восприняла его нерешительность.

– Не волнуйся, она не исчезнет. Как думаешь, откуда мебель в моем шатре? Считаешь, я повсюду таскаю за собой двуспальную кровать?

От воды в бадье поднимался пар. Пленник сделал осторожный шаг по направлению к купели и покосился на меня с раздражением. Затем он шагнул вперед еще раз, и еще, пока не уперся руками в высокий деревянный борт. И тогда он снова посмотрел в мою сторону. Настойчиво и недовольно.

Взгляд был долгим, пристальным, и я не сразу поняла его значение. Эльф хотел, чтобы я отвернулась: все-таки про-

цесс мытья достаточно интимный.

Так мы и застыли: эльф – у бадьи, я – в трех метрах от него, рядом со складным стулом.

Пленник не желал принимать ванну на чужих глазах. Наверное, мне стоило уступить его молчаливому требованию и отвернуться, но я почему-то этого не сделала. Моя личность снова как будто раздвоилась: нечто темное и распутное, запрятанное глубоко внутри, требовало досмотреть представление до конца.

Эльф ждал, я ждала тоже, и спустя несколько минут чужое терпение дало трещину. Со вздохом пленник перекинул ногу через борт купели (сначала одну, следом – вторую) и погрузился в воду по горло, спрятавшись от моего нескромного взгляда.

Я бросила ему тряпку, чтобы оттереть грязь, и снова эльф застыл в нерешительности, безмолвно требуя дать ему уединиться.

Но чудовище внутри заставляло меня смотреть. Смотреть не моргая.

И снова раздался чуть слышный вздох. Эльф не стал унижать себя просьбой отвернуться, видимо, уверенный, что эта просьба ничего не изменит. Его лицо приняло отрешенное выражение, взгляд сделался пустым, отсутствующим, словно пленник старался забыть о том, что в шатре, кроме него, кто-то есть.

Он взял тряпку и начал скрести свою кожу под водой.

И тогда я все-таки отвернулась, испугавшись тьмы, которая жила в моей душе, отголосков своей прежней личности. Я поняла: если бы не отчаянное желание скорее смыть с себя следы чужих прикосновений, гордый эльф никогда бы не стал мыться в моем присутствии. В присутствии кого бы то ни было.

Глава 5

В конце концов я вышла из шатра, позволив пленнику домыться в одиночестве. Снаружи – ни среди палаток, ни под высокими соснами – по-прежнему не было видно ни эльфов, ни предательницы Мериды. Куда подевалась эта дрянь? Чуть позже я собиралась отправиться на ее поиски. Пока же были дела поважнее.

Разбудив походного повара, я потребовала принести мне в шатер двойную порцию еды: мяса, вина и овощей под зачарованной пленкой, благодаря которой продукты долго не портились. Затем я откинула тканевый полог и вернулась в свое убежище, к эльфу.

За время моего отсутствия пленник успел привести себя в порядок, но не спешил покидать бадью. Чистый, пахнущий горечью трав, он сидел по плечи в остывшей воде и не торопился выбираться наружу.

– Уснул ты там что ли? – спросила я, трансформируя стул в круглый обеденный столик и подвигая его к кровати: скоро должны были принести еду.

Ответом мне стала тишина, полная напряженного молчания.

И тут я догадалась, почему эльф продолжает мокнуть в холодной воде вместо того, чтобы одеться и составить мне компанию за завтраком. Ему элементарно не во что одеться.

Нечем вытереть тело после купания. Я не принесла ему ни рубаху, ни полотенце.

И разумеется, упрямец был слишком горд, чтобы указать на мою оплошность.

Мысленно выругавшись, я подошла к бадье и развернула перед пленником широкое полотенце. Поколебавшись, эльф поднялся на ноги, и я заворожено уставилась на то, как вода стекает по его обнаженному телу с идеальным рельефом мышц. Молочно-белая кожа блестела от влаги. Кончики волос облепили выпуклую грудь, вздымающуюся от частого дыхания.

Помощь эльф не принял. Взглянув на предложенное полотенце, он поджал губы, затем выдернул тряпку из моих рук и завернулся в нее, прежде чем переступить борт купели. Все это он проделал в угрюмом молчании, стараясь не смотреть в сторону ненавистного врага.

Его неприязнь была физически ощутима и с каждым часом усиливалась. Я чувствовала, как страх в нем постепенно отступает, превращаясь в ярость.

Похоже, ночью придется спать вполглаза, если я, конечно, не хочу в один прекрасный момент пробудиться от того, что к моему горлу прижимается нож или осколок разбитого кувшина. Делить шатер с мужчиной, мечтающим тебя убить, – удовольствие сомнительное.

С одеждой для эльфа я решила повременить – сначала обработать мазью его повреждения, потом позавтракать, а уже

после заняться остальными проблемами. Пока пленник – до сих пор безымянный – неуверенно мялся посреди шатра, я опустила на кровать и без задней мысли похлопала ладонью по одеялу рядом с собой.

И тотчас голубые глаза расширились, затем сузились, превратившись в узкие щели, пылающие адским огнем.

– Иди сюда, – позвала я, все еще не понимая этой странной реакции.

Взгляд эльфа скользнул по расстеленной кровати, и пальцы нервно сжали на груди ткань полотенца. Вместо того, чтобы шагнуть вперед, пленник попятился. Снова он напоминал дикого зверя, загнанного охотниками в ловушку.

Ступней он зацепил палку – ту самую, которой пытался в порыве ненависти пронзить меня насквозь. Сломанная пополам, она валялась на полу ярким доказательством того, что сопротивляться дракону бесполезно. Глядя на эту палку, эльф тяжело сглотнул и прошептал пересохшими губами:

– Не надо. Если в тебе есть хотя бы капля человечности, не надо. Лучше убей.

О боги, мой жест он понял совершенно неправильно. Я приглашала его сесть рядом, чтобы удобнее было наносить на раны целебный состав. А он решил, будто им хотят воспользоваться. Снова. Как этой ночью. Для того и позвали в шатер. Потому и позволили смыть грязь.

Он смотрел в сторону, часто дыша и сжимая в кулаке край полотенца, запахнутого на груди. В наших краях муж-

чины после ванны кутали только бедра, но эльф, вымывшись, попытался прикрыть как можно больше обнаженного тела. Подсознательно или нет, не хотел выглядеть возбуждающе, спровоцировать новое насилие.

Как бы он ни храбрился, мысль об очередном унижении приводила его в ужас. В ужас настолько сильный, что он даже позволил себе сказать то, что сказал.

«Не надо. Лучше убей».

Не желая ранить эльфийскую гордость еще больше, я притворилась, будто не заметила его страха. Не поняла, о чем он говорит и что имеет в виду. Так мы оба могли сделать вид, что этой постыдной фразы не было и пленник не унижил себя мольбой о пощаде.

– Ну что опять не так? – сказала я наигранно ворчливо и потянулась к миске с мазью, приготовленной Мойлой по моему распоряжению. – Умру, но не дам вылечить свои раны? Принять помощь от врага настолько ниже вашего эльфийского достоинства?

Пленник нахмурился, затем, видимо, понял свою ошибку – то, что никто не собирался его насиловать, и густо покраснел.

Прежде чем он успел еще что-нибудь себе надумать, я торопливо добавила:

– Идем, я обработаю твои раны, а потом будем завтракать.

– Зачем тебе меня лечить? – Эльф недоверчиво нахмурился, но все-таки сделал осторожный шаг по направлению

к кровати, на которой я сидела. – Разве что только...

– Нет, не для этого.

– Я не привлекаю тебя? – Надежда в его голосе отчего-то резанула по сердцу.

– Не до такой степени, чтобы брать силой.

– Тогда почему я здесь? – Он остановился в полуметре от постели, вперив меня внимательный, изучающий взгляд.

– Возможно, я сожалею о том, что с тобой случилось.

Он вдруг усмехнулся, и его усмешка показалась пощечинной.

– Чудовище из Сумрака. Все, что происходит в этом лагере, происходит с твоего одобрения. Я знаю, – он кивнул сам себе, – ты хочешь меня завербовать. Хочешь сделать своим шпионом и отправить в горную долину следить за моим народом. Играешь в доброту, чтобы потом предложить мне обменять жизнь и честь на предательство.

– Все, что я хочу тебе предложить, – сказала я, мысленно застонав, – сесть и подставить мне свои исцарапанные плечи.

Эльф решил не спорить, но, похоже, остался при своем мнении. Поверить в милосердие знаменитой злодейки-захватчицы было выше его сил. Поколебавшись, он опустился на кровать, а еще через минуту неуверенно развязал полотенце и позволил ткани сползти на бедра. Так его пах был по-прежнему закрыт, а красивая безволосая грудь – доступна моему взгляду.

Мы начали с безобидного – с царапин от женских ногтей

на плечах. Раны отчего-то до сих пор не затянулись, несмотря на всю хваленую эльфийскую регенерацию. Когда я растерла между пальцами мазь и коснулась алых полос на коже пленника, тот отвернулся, завесившись волосами, словно происходящее его смущало или было до крайней степени неприятным.

– Что с остальными? – спросил он после продолжительного молчания. К тому времени я успела обработать большую часть ссадин и синяков на открытых участках тела и собиралась заняться следами от укусов на груди.

Я догадалась, что эльф говорит о своих спутниках, но пока мне нечего было ему ответить.

Подождав немного, он продолжил:

– В последний раз я видел их до того, как меня... А потом – нет. И утром, после всего, – тоже нет. Их... убили? Они не... не выдержали?

– Я не знаю, но выясню после завтрака.

Эльф взглянул на меня с подозрением, а потом неприязненно искривил разбитые губы, на них тоже было бы неплохо нанести мазь.

– Чудовище из Сумрака не знает, что творится у нее под носом?

Он не верил. Решил, что я просто не хочу говорить правду.

Я в последний раз осмотрела спину пленника: широкая, с развитыми мышцами, она оказалась покрыта сеткой тонких

порезов. Ночью, во время насилия, жертве приходилось лежать на земле, а та была усеяна сухими ветками и мелкими острыми камнями.

– Повернись, – попросила я, и эльф нехотя подчинился.

Его красивую мордашку почти не испортили. Пусть мои люди и не были ценителями прекрасного, но избегали бить пленника по лицу, однако губам все равно досталось.

Стоило смазанному пальцу дотронуться до порванного краешка рта, и пленник дернулся, уходя от прикосновения.

– Больно? – спросила я, и эльф хмуро сверкнул глазами из-под сведенных бровей.

– Воины приучены терпеть боль.

– Тогда в чем дело? Почему ты... Послушай, здесь не очень-то чисто. В ранки может попасть инфекция.

– Думаешь, меня это хоть сколько-нибудь волнует?

– Но ты же позволяешь мне себя лечить.

Мы оба знали, что царапины и ссадины – всего лишь прелюдия. По-настоящему требовало лечения то, что сейчас было скрыто плотной тканью полотенца. Сразу приступить к главному оказались неготовы ни я, ни эльф, поэтому начали издалека. Нам требовалось время, чтобы привыкнуть друг к другу и смириться с неизбежным: с тем, что пленнику придется раздеться полностью и позволить врагу коснуться его самых стыдных и неприличных мест.

Прикрыв глаза, эльф подставил мне лицо.

– Думаю, будет удобнее, если ты чуть приоткроешь рот.

Вроде я ничего страшного не сказала, но мои слова заставили несчастного содрогнуться всем телом.

– Нет, – он резко отвернулся и даже отсел от меня подальше.

– Но...

– Нет.

– Инфекция...

– Я сказал нет!

Он посмотрел на меня. Вспухшие на лбу вены. Играющие мышцы на скулах. Зубы, сжатые до хруста.

– Ладно, не надо ничего открывать. Я так смажу.

– Пусть останется как есть. Не трогай мой рот.

– Я и не трогаю.

– Не трогай.

Он опустил голову, с шумом вдыхая и выпуская воздух. Прошло больше получаса, прежде чем ему удалось взять себя в руки и мы смогли продолжить лечение.

Пока комната тонула в напряженном молчании, полог шатра отдернулся, и внутрь вошел слуга, один из хрупких юношей подай-принеси. Он быстро опустил поднос с едой на стол у кровати и удалился, ни разу не подняв взгляда от пола.

– Ты наверняка голоден. Закончим с грудью и позавтракаем.

Я зачерпнула из миски немного мази и обвела пальцем прокушенный сосок.

– Кто это сделал? – Не знаю, почему у меня вырвался этот

вопрос, он был абсолютно бессмысленным. Вряд ли эльф запоминал лица своих насильников.

– Я закрыл глаза, – сказал он, хотя я была уверена, что не дождусь ответа. – Потом я закрыл глаза.

Его голос звучал спокойно и буднично, и от этого механического тона, абсолютно лишённого эмоций, вдоль позвоночника пробежала ледяная дрожь.

– Давай поедим, – поспешила я сменить тему, но только потянулась к тарелке с мясом, как полог шатра снова распахнулся.

Я подняла взгляд и увидела стоящую на пороге Мериду.

Я оказалась рядом с ней раньше, чем успела сообразить, что делаю. Вот я сижу на кровати рядом с эльфом, а вот – уже сжимаю горло советницы, царапая кожу выросшими когтями.

– Ты! – Мне хотелось ее убить, растерзать, разорвать в клочья. Отомстить за все, что пришлось испытать пленникам. Заставить на собственной шкуре прочувствовать их боль, это невыносимое унижение, ужас, которому нет предела. – Ты нарушила мою волю. Я отдала приказ! Ты должна была остановить солдат, но ослушалась. Солгала! И теперь умрешь.

Мерида хрипела. Мои пальцы на ее горле сжимались все крепче, все безжалостнее, и тьма во мне ликовала при виде красного лица советницы, ее закатившихся глаз, беззвучно распахнутых губ, молящих о глотке воздуха.

Тот, кто нарушил приказ, заслуживал смерти. Прежняя эйхарри, безумная и жестокая, ненавидела предателей и без колебаний привела бы приговор в исполнение. Сейчас я была с ней солидарна. Согласна с монстром, живущим в дальнем уголке моего подсознания.

– Я велела тебе отвести пленников в безопасное место. Туда, где их никто не тронет.

– Я отвела, – прохрипела Мерида, когда на один-единственный миг ей удалось оторвать от горла пальцы, которые ее душили.

– Что? – Я ослабила хватку, дав советнице шанс договорить. И видят боги, лучше бы ей было что сказать в свое оправдание!

Откашлявшись, Мерида торопливо зашептала:

– Я знаю тебя столько лет. Знаю, как облупленную. Твои мысли и желания. Ты хотела спасти эльфов и не только от надругательства – я это сразу поняла. Ты хотела их освободить, и я нашла способ. Я вывела троих. Трех пленников. Из лагеря. Из-под защитного купола. Тайком провела через лес до безопасного места, где отпустила восвояси. Думаешь, легко было сделать это незаметно?

– Что? Не верю. Ты опять лжешь. – В ярости я снова сомкнула пальцы на ее шее. – Говори правду!

– Эта правда. Я понимала, что от эльфов будут сплошные неприятности. Если бы они остались в лагере, ты бы заступалась за них снова и снова, подрывая перед солдатами свой

авторитет. Нельзя было этого допустить.

– И поэтому... ты помогла им бежать? Или просто убила, закопала в лесу тела, а сейчас вешаешь мне лапшу на уши?

– О, великая эйхарри, – Мерида затряслась. Зрачки ее глаз расширились от ужаса, полностью затопив радужку. – Я бы не посмела пойти против твоей воли. Никогда и ни за что! Я предана тебе всей душой. Зачем мне врать? Какой смысл нарушать приказ и гневать могущественную колдунью? Разве я похожа на самоубийцу?

Ее слова казались логичными, даже правдоподобными, и все же меня не покидало ощущение, будто я держу в руках скользкую змею, способную в любой момент извернуться и укусить.

– Значит, ты спасла троих?

– Да, вывела из лагеря целыми и невредимыми. Ни здоровье, ни честь их не пострадали.

– Просто взяла и отпустила? Диверсантов? Врагов?

– О, не просто. – На губах Мерида растеклась знакомая самодовольная улыбка – улыбка хищницы, пираньи. – На каждого из пленников я повесила следящие чары. Благодаря им, мы узнаем имена лидеров сопротивления «Воль'а'мир», стоянки всех их партизанских отрядов и много другой полезной информации. У нас появились шпионы в стане врага.

Вот это уже больше напоминало Мериду. Хитрость и коварство. Тонкий расчет.

– Они сами согласились помогать? Или ты провернула все

без их ведома?

– Среди эльфов нет предателей. Помнишь девиз их клана?

– Бесчестье хуже смерти. – Я украдкой покосилась в сторону пленника, сидящего на кровати. Тот внимательно прислушивался к разговору. Ловил каждое слово, даже подался слегка вперед, не заметив, что полотенце соскользнуло с бедер и обнажило краешек лобка.

– Не веришь мне?

Мои пальцы все еще лежали на горле советницы, но больше не сжимали его мертвой хваткой. Осторожным движением Мерида потянула мою руку вниз, отводя от своей шеи.

– Не веришь? – повторила она. – В запасах Мойлы должна быть сыворотка правды. Воспользуйся ею.

– Обязательно.

Я смотрела на эльфа. Но его искалеченный рот. На прокушенный сосок, припухший и покрасневший, на многочисленные синяки и лоснящиеся от мази царапины.

– Почему ты не спасла всех? Почему бросила двоих на растерзание этим дряням?

– Кто-то должен был отвлекать солдат, пока я освобождала остальных.

Жестокие и циничные слова. Всегда есть кто-то, кого приносят в жертву.

Я понимала это, но моя рука, будто повинувшись собственной воле, взметнулась и с громким шлепком ударила советницу по щеке.

– Ни один из пленников не должен был пострадать.

В глазах Мерида, подобно огоньку во мраке, вспыхнула ярость, но тут же сменилась выражением покорности.

– Этих двоих освободить было поздно. Пока мы разговаривали, их обоих успели распечатать. Ты помнишь про Кипящие болота? Туда отправляются обесчещенные эльфы. Уверена, что я должна была отпустить всех?

На секунду я прикрыла глаза, и в тишине начали оживать призраки: загремели цепи, в ночном воздухе раздался стон боли, его встретили глумливым хохотом.

Это он кричал тогда? Мой эльф? Тот, кого я освободила от цепей, кого привела в свой шатер. Чьи раны обрабатывала пять минут назад. Это его насильовали, пока мы с советницей решали, кому из нас двоих делать грязную работу?

– Я больше не доверяю тебе, Мерида, – сказала я, переживая в душе свой личный ад. – Ты должна принести мне клятву верности на крови.

– Я уже приносила. Ты просто не помнишь.

– Поэтому принесешь еще раз. Кроме того, подтвердишь все сказанное под сывороткой правды. А после. После я решу, что с тобой делать.

Глава 6

Мерида успешно прошла испытание сывороткой правды. Зелье, приготовленное Мойлой по моему приказу, улавливало в голосе малейшую фальшь и становилось для лгунов ядом, однако советница выпила его не раздумывая. Все сказанное ранее – про спасение пленников, про отсутствие злого умысла, про ее горячую преданность мне – Мерида повторила слово в слово не моргнув и глазом. При этом на ее лице не отразилось ни тени волнения. Советница казалась спокойной и собранной. Так выглядит человек, которому нечего бояться.

– Теперь ты мне веришь? – спросила она, и пусть больше не было причин подозревать ее в предательстве, червь сомнения продолжал грызть меня изнутри.

Клятву верности Мерида тоже дала охотно и без колебаний. При свидетелях закрепила ее магией и собственной кровью. Даже преклонила колени, хотя обряд этого и не требовал.

– Я твоя самая верная союзница, – прошептала она, глядя на меня снизу вверх и не спеша подниматься на ноги.

Повод наказать Мериду исчез, но не исчезло мое горячее желание это сделать. Отомстить за унижение эльфов. За ее цинизм, пусть даже оправданный и логичный. За то, что она спасла не того пленника. За то, что, помогая одним, других

обрекла на немислимые муки.

В глубине души я понимала, что неправа. Законы Сумеречных земель оправдывали Мериду целиком и полностью. Она не нарушила мой приказ, наоборот, сделала все от нее зависящее, чтобы минимизировать ущерб. Только кому-то она дала шанс на нормальную жизнь, а кого-то принесла в жертву.

И тем не менее, невзирая на все доводы разума, мне по-прежнему хотелось ее крови.

Потому что прекрасное тело эльфа на моей кровати почернело от гематом, превратившись в карту насилия. На то, что под полотенцем, я и вовсе не могла смотреть без содрогания.

Будто угадав мой настрой, Мерида приблизилась и зашептала на ухо:

– Я вижу, тебе приглянулся этот пленник. Сейчас он сломан, но я знаю способ его починить. Верни мне свое расположение, о великая эйхарри, стань снова моей доброй подругой, и я расскажу, как исцелить душу обесчещенного эльфа. Тогда, если таково твое желание, ты сможешь отпустить его на все четыре стороны и не бояться, что он отправится прямым ходом в Кипящие болота. Или ты сможешь сломать его еще раз, ведь целые игрушки ломать куда увлекательнее, чем пришедшие в негодность.

Мерида говорила, и ее речь казалась мне трясинной, в которой я увязала все глубже и глубже. Эта женщина и правда

напоминала змею, коварную, изворотливую гадюку с зубами, полными яда.

– Если ты знаешь способ все исправить, назови его.

– Я назову.

Мне почудилось, или глаза советницы сверкнули торжеством?

– Назову, когда мы вернемся в Сумеречные земли.

– Нет, ты расскажешь все сейчас. Ты не в том положении, чтобы ставить условия.

И снова это непонятное выражение на ее лице.

– А ты в том? Сама ты в том положении, о великая, потерявшая память эйхарри?

* * *

Мерида ушла, оставив после себя гадкое чувство, будто меня макнули головой в грязь. Верить бывшей подруге было нельзя. Избавиться от нее казалось наилучшим решением. Вот только Мерида подстраховалась – в рукаве ее был припрятан козырь.

Блефовала она или действительно знала способ исцелить душу изнасилованного эльфа? Не водила ли меня за нос? Что, если не ждать возвращения в Сумеречные земли, а постараться выведать все уже сегодня с помощью колдовства или пыток? Боль делает людей сговорчивыми.

Последняя мысль была не моей. Она принадлежала прежней темной эйхарри и напугала меня до смерти. Неужели во мне постепенно просыпалась кровожадность? Если сейчас я

пойду по пути жестокости, не разбудит ли это мою прошлую личность?

После долгих раздумий я решила плыть по течению. В конце концов, Мерида принесла клятву верности и не могла мне навредить. И все же терять бдительность не стоило. Ухо следовало держать остро.

Глава 7

Решив все дела с советницей, я вернулась к завтраку. Еда остыла, но была свежей и разнообразной – а о чем еще можно мечтать в походе?

Тарелку с мясом я подвинула ближе к эльфу, а бутылку вина – к себе. После разговора с Меридой хотелось опрокинуть стакан другой, и не этого слабого виноградного пойла, а чего-нибудь покрепче.

Эльф умирал от голода, но от диких жареных уток отвернулся с демонстративным отвращением, морщась и едва ли не зажимая нос пальцами.

Пхати – отличная повариха, качество мяса тоже не вызвало сомнений, так что в поведении пленника я углядела детский протест: сдохну без еды, но не приму от врага подачку. Что ж, суюкаться с кем бы то ни было я не собиралась.

Пожав плечами, я оторвала от птичьей тушки хрустящее крылышко и проглотила, не жуя. Наверное, со стороны столовые манеры драконов кажутся жуткими, особенно – утонченным эльфийским аристократам. Так это они еще не видели, как я трапезничаю в своем животном обличье. Вот где действительно ужас и кошмар.

– Не надоело упрячиться?

Пленник явно боролся с собой. Он то и дело косился в сторону низкого наколдованного столика, ломившегося от

еды. Слюна собиралась у него во рту, и эльф с трудом ее сглатывал, но продолжал брезгливо кривить губы, при том, что в глазах читался откровенный голод.

– Ну хватит. Составь мне компанию. К чему эти глупые игры? Что и кому ты стремишься доказать? – Слизав с пальцев мясной сок, я насадила на нож мелкую куропатку и протянула пленнику. – Давай. Я уже поняла, что тебе требуется особое приглашение. Считай, это оно. Или ты ждешь, пока тебя начнут кормить с ложечки?

Со вздохом эльф посмотрел мне в глаза. Он смотрел долго и пристально, словно пытался взглядом передать какую-то мысль. Потом кончиками пальцев замороженно коснулся птицы, надетой на лезвие, но сразу отдернул руку.

– Это очередная изощренная попытка поиздеваться? – спросил он, отвернув от меня лицо и разглядывая тканевую стену шатра, хотя на ней не было ровным счетом ничего заслуживающего внимания.

– Прости, что? Попытка поиздеваться? – я поставила обратно кружку с вином, которую поднесла к губам. – Я тут, накормить тебя стараюсь, понимаешь ли.

– Животной пищей?

– А что не так-то?

– Эльфы не едят мясо. Это всем известно.

Всем, но не бывшим злодейкам с дырявой памятью.

И надо же было так облажаться!

Я окинула взглядом обеденный столик у кровати: пова-

риха забыла положить овощи, о которых я просила. И я даже не могла на нее за это сердиться – утреннее меню полностью соответствовало моим предпочтениям: драконы траву не жаловали.

– Я забыла. – Аппетит пропал. Я поднялась на ноги, высунулась из палатки и окликнула слугу. – Овощей сюда. И побольше. И посвежее. И гномьи сухари. Ты ешь гномьи сухари? Нет? Тогда зачарованный хлеб. Все, что осталось. Экономить больше нет смысла. Завтра мы возвращаемся в Сумеречные земли.

* * *

Ел эльф без спешки, невероятно изящно и явно мучился из-за отсутствия столовых приборов. Мы, варвары, привыкли брать мясо голыми руками – ушастые даже ломтик огурца, перед тем как поднести ко рту, накалывали на вилку.

– Рыбу ты тоже не любишь?

– Некоторые отнимают жизни ради удовольствия, мы этого не делаем даже ради пропитания.

Понятно, камень в мой огород. Скольких убила безжалостная Иданн Окайро во время войны и просто так, ради удовольствия от процесса?

– Принципиальные, значит. Не пачкаете руки кровью. А куда подевались ваши убеждения, когда вы защищали свои земли от врагов? Рубились знатно.

Эльф отпил из кружки воды. К вину он тоже не притронулся.

– За это мы ненавидим вас, захватчиков, еще сильнее, – он говорил спокойно, будто вел со мной светскую беседу о погоде. – За то, что вы заставили нас пойти против законов Светоликой.

Пленник отодвинулся от стола, этим жестом показав, что закончил завтракать. Он ел медленно, как будто без аппетита, но я заметила, что все тарелки перед ним пусты, вычищены до последней крошки.

– Если не хочешь добавки, то вернемся к лечению. Полотенце придется снять. После я найду тебе нормальную одежду.

Похоже, за время трапезы пленник успел забыть о том, что мы не довели дело до конца, и от моих слов его скулы жарко вспыхнули. Он опустил взгляд, замявшись.

– Той женщине ты сказала, что не хотела для нас такой участи. Ты разозлилась из-за того, что эти твари нас... – Он словно сам себя успокаивал, и я поспешила его заверить:

– Тебе нечего опасаться. Даю слово.

– Слово Чудовища из Сумерек? – уголки его губ приподнялись в горькой усмешке. Рука потянулась к полотенцу. На мгновение пальцы крепче сжали ткань, а потом откинули ее в сторону. Взгляду открылась покрасневшая припухшая плоть. Надо было нанести на нее целебную мазь, тщательно распределить по всей натертой поверхности и прочитать специальное заклинание.

«Ему будет больно, – подумала я. – Больно, даже от самых

нежных прикосновений».

Эльф смотрел в сторону, пряча лицо за светлыми волосами, так что я видела лишь краешек острого уха. Ярко-красный. Каждая мышца его тела была напряжена. В ожидании моих действий эльф боялся даже дышать.

Я зачерпнула немного мази и замерла в нерешительности, не зная, как дотронуться до алой, воспаленной кожи у него в паху и не причинить страданий. По всему выходило, что процедура не получится легкой и безболезненной.

– Придется потерпеть, – сказала я и очень нежно, очень осторожно прикоснулась скользкими от мази пальцами к уставшему достоинству пленника.

Эльф вздрогнул, и его тело окаменело еще больше. Теперь он напоминал статую. Живую и не знающую, куда себя деть от неловкости. Румянец перекинулся на его шею, растекся по груди. Кожа под моей ладонью пылала, нездоровая, лихорадочно горячая.

Каждое прикосновение заставляло эльфа шипеть от боли и до треска сминать в кулаке постельное белье. Рука сжимала покрывало до белых костяшек пальцев. Мышцы живота и внутренней поверхности раздвинутых бедер напрягались, подрагивали. Бедняга. Никому не пожелаешь того, через что он прошел.

Читая лечебное заклинание, я обработала травяным составом каждый сантиметр воспаленной промежности, и теперь пах эльфа блестел, густо покрытый мазью.

– Должно стать легче, – сказала я, чувствуя неодолимую потребность нарушить угнетающее молчание, невыносимую тишину, ватой забившую мои уши. – Когда мазь впитается, боль уйдет.

В попытке отрешиться от происходящего эльф отвернулся, выкрутив шею до хруста в позвонках. Я услышала, как рвано он выдохнул. Увидела, как судорожно дернулся кадык на горле.

Решив не мучить несчастного, а заодно и себя, я поспешила закончить лечение. Стоило мне отстраниться, оставив в покое его мужское достоинство, эльф тут же отодвинулся и нервным движением накинул край полотенца на пах.

– Ты обещала одежду, – напомнил он, все еще пряча взгляд.

– Да, разумеется, но я должна кое о чем спросить. Сам ты вряд ли мне об этом расскажешь, – я замялась, не зная, как аккуратнее подобрать слова. – Больше ничего смазывать не надо? Я имею в виду, нет ли у тебя каких-то других повреждений? Скрытых. Тех, которые я не могу увидеть.

Я опасалась, что эльф не поймет намек, но он понял и вспыхнул до корней волос. Не думала, что можно покраснеть еще сильнее, но, похоже, мне удалось смутить пленника до крайней степени.

– Нет, – сказал он чересчур поспешно.

– Если тебе стыдно признаться...

– Нет у меня больше никаких повреждений, – зло проце-

дил эльф и стиснул кулаки. – Ты дашь одежду или мне ходить голым, как животное?

Полная сомнений, я неодобрительно покачала головой, но не стала развивать тему. Вместо этого подошла к сундуку со своими тряпками и откинула деревянную крышку.

– Seriously? – возмущенный эльф вскочил на ноги. Он прямо-таки кипел от негодования. – Хочешь предложить мне женское платье?

– Расслабься, красавчик.

Со смехом я превратила один из своих походных плащей в мужскую тунику, а короткий жилет – в штаны.

Сейчас оденем пленника и пойдем узнавать, что стало с его товарищем, еще одним бедолагой, которого Мерида принесла в жертву, чтобы спасти остальных диверсантов. Я вдруг подумала, что он может быть в худшем состоянии, чем спасенный мной эльф, и решила поторопиться. Вряд ли кто-то предложит страдальцу завтрак, обработает его раны заживляющей мазью, даст напиток и прикрыть наготу. Все это предстоит сделать мне.

Глава 8

– Ты пойдешь со мной? – я приглашающе распахнула полог шатра.

Мой эльф – мысленно я назвала его Ильди, в честь популярного в Сумеречных землях колючего растения с длинными и ядовитыми шипами, – оторвался от своего занятия – попыток натянуть на ноги сапоги и недоверчиво прищурил голубые глаза.

Сапоги были наколдованными, как и вся остальная одежда на пленнике: свободная туника черного цвета и штаны, то и дело сползающие с бедер. Подтягивать их приходилось каждую минуту, но эльф не жаловался, только недовольно поджимал губы. Попросить подогнуть одежду по размеру было выше его достоинства.

– Куда ты меня зовешь? – спросил Ильди.

– Искать твоего спутника и вытаскивать его из беды.

– Беда уже случилась. Ты опоздала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.